

Глава первая

Младший сын министра Циня в городе Чанъань был известен на всю округу. Кто бы ни упоминал имя Цинь Яна — будь то крестьянин с окраины или дворовый пес у ворот, — все неизменно кривились, словно завидев дикого зверя.

— Слышали? Юного господина Циня опять поймали, когда он пытался пробраться в Цзуйхунлоу, и приволокли домой.

— Министр Цинь точно не оставит это просто так, ха-ха-ха! Пусть знает, как вести себя столь нагло!

— Ошибаешься, приятель. Министр Цинь совсем не знает, что делать с этим младшим сыном. В прошлом месяце этот негодник похитил девушку из пригорода и спрятал её у себя в поместье, где каждый день творил всякие непотребства. Когда всё вскрылось, министр применил домашние наказания, и парень провалялся в постели целый месяц. И что же? Едва оправился — и снова за старое!

— Тц-тц-тц, ну надо же, как у такого достойного человека, как министр Цинь, вырос такой непутевый сын?

— Тс-с, тише, не болтай лишнего. У стен есть уши, еще донесут кому следует, и не сносить нам головы!

Поместье Цинь.

— Брат! Брат,пусти!пусти же, я сам дойду!

— Дойдешь? До самого Цзуйхунлоу, в этот вертеп разврата?!

Цинь Ян встал на цыпочки и прижался головой к руке брата, пытаясь хоть немного унять боль в ухе, и жалобно заныл:

— Я больше не буду, честное слово. Брат,пусти, пожалуйста, больно же...

Цинь Чжао с детства души не чаял в младшем брате, но кто знает, в какой момент что-то пошло не так и парень вырос таким мерзавцем? Он разжал пальцы и холодно произнес:

— Заруби себе на носу: если еще раз поймаю — отправлюсь прямиком к отцу!

Цинь Ян, едва не рыдая от умиления, вцепился в рукав старшего брата:

— Добрый брат, лучший брат! Я же знал, что ты меня больше всех любишь! Я клятвенно обещаю, что ноги моей больше не будет в таких местах!

— В каких таких местах?

— В Цзуйхунлоу... Ой! Отец!

Лицо Цинь Яна мгновенно побелело, и он, дрожа, поспешил спрятаться за спину Цинь Чжао. Последний был не меньше удивлен появлением министра: разве отец не ушел к императору на совещание? По всем расчетам, он не должен был вернуться так скоро.

— Отец, вы уже вернулись? Что сказал император?

— Не пытайся сменить тему! Если бы я не вернулся, вы двое так и собирались водить меня за нос?! — усы министра Циня задрожали от гнева. — Эй, кто-нибудь! Скрутить этого юнца и в родовую кумирню, применить семейное наказание!

— Отец, умоляю, нельзя! Раны Яна после прошлого раза еще не зажили...

— Замолчи! Стража, связать и старшего сына тоже!

В кумирне Цинь Ян дрожал, словно осиновый лист, губы его побледнели. Он бросал на Цинь Чжао полные отчаяния взгляды, умоляя о помощи, но тот, будучи сам крепко связанным, ничего не мог поделать и лишь плотно зажмурился.

Министр Цинь сидел в кресле, сжимая в руке палку из красного дерева. Она была старой, отполированной до блеска десятилетиями, с облупившейся кое-где краской. С самого детства, стоило кому-то из братьев провиниться, в ход шла именно она.

— Цинь Ян, ты осознал свою вину?

— Осознал! Осознал! Отец, я больше никогда не посмею!

— И в чем же ты виноват?

— Я... я не должен был тайком ходить в Цзуйхунлоу... — голос Цинь Яна стал тише комариного писка.

— Значит, в следующий раз ты просто не будешь ходить тайком?! — министр в ярости поднялся, сжимая палку.

— Нет, нет! Я вообще больше туда не пойду! — в ужасе простонал Цинь Ян, заливаясь слезами.

— Отец, это я повел брата туда! Если хотите кого-то наказать, наказывайте меня! — Цинь Чжао не выдержал и решил взять вину на себя.

Видя, как старший сын заступился за младшего, министр немного смягчился, гнев его начал утихать. Но тут этот непутевый юнец подал голос, всхлипывая:

— Да, именно брат меня туда потащил! Я тут совершенно ни при чем!

Брови министра Циня взлетели вверх, кровь ударила в голову. Он поднял палку и с размаху обрушил её на сына. Удар был нанесен в полную силу. Раздался пронзительный крик, и Цинь Ян обмяк на полу, не подавая признаков жизни.

— Ян! Скорее, зовите лекаря!

История о том, как министр Цинь избил младшего сына так, что тот три месяца не вставал с постели, разлетелась по всему Чанъаню. Все, кто слышал об этом, втайне злорадствовали: поделом ему! Лучше бы он вовсе остался калекой, лишь бы больше не выходил и не портил людям жизнь.

Министр Цинь после случившегося и сам не находил себе места. Младший сын родился слабым, мать его скончалась спустя месяц, и мальчика пришлось вскармливать кормилице. Он с детства рос болезненным, поэтому в поместье его баловали сверх меры. Министр понимал, что сам виноват в том, что слепой любовью вырастил из сына такого избалованного наглеца.

— Эх...

— Почему министр Цинь сегодня всё время вздыхает? Что-то случилось?

— О, это вы, Девятый ван. Прошу прощения за мой вид, это всё тот негодник, мой сын... эх...

Девятый ван Сяо Фань был одним из самых прекрасных мужчин в Чанъане. Везде, где он появлялся, знатные барышни вдруг начинали спотыкаться, а их платки и серьги будто сами собой падали на землю. Поэтому, когда Девятый ван выходил на улицу, все окрестные нищие тут же высыпали на дорогу — ведь там было столько всего, что грех не подобрать. Некоторые дамы даже приводили с собой слуг, которые грозно поглядывали на нищих, охраняя обретенную хозяйкой безделушку. На улицах Чанъаня разгоралась нешуточная война.

Сегодня Девятый ван был в черном официальном облачении с красной каймой, на груди которого золотыми нитями был вышит пион — символ его высокого статуса.

— До меня дошли слухи, что младший сын министра Циня приболел? Надеюсь, ничего серьезного?

Девятый ван прекрасно знал, что юноша пострадал от руки отца, но, чтобы не ставить министра в неловкое положение, решил облечь это в мягкую форму. Министр Цинь поспешил ухватиться за предложенную весть:

— Пустяки, через несколько дней уже встанет на ноги.

— Честно говоря, мне довелось однажды встретиться с юным господином Цинем, и он произвел на меня приятное впечатление. Я хотел бы с ним подружиться. Узнав о его недуге, я забеспокоился и хотел бы навестить его. Не будет ли это удобно для вас, министр?

Министр Цинь был крайне удивлен: чем же этот бездельник Цинь Ян мог привлечь внимание самого Девятого вана? Но, не подав виду, он почтительно ответил:

— Для нас это великая честь.

К обеду Цинь Ян лежал в постели и тихонько стонал. На самом деле раны его уже почти зажили, но за три месяца привыкнуть к тому, что за тебя всё делают слуги, было так приятно, что он решил еще немного поваляться.

— Когда уже будет обед?

Дверь со скрипом отворилась. Увидев вошедшего, Цинь Ян надулся, решив, что тот его игнорирует, но, подняв взгляд и узнав гостя, остолбенел, а в следующую секунду взорвался:

— Ты! Мерзавец, кто позволил тебе приходить в мой дом?!

<http://bllate.org/book/20761/2082792>